

О. В. Алексеева

ОДИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Работа представлена кафедрой русской литературы.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л. Е. Ляпина.

Обосновывается обращение к теме времени в рамках одического жанра. Рассмотрены основные черты одического времени. Ода представлена как жанр повышенной историко-философской насыщенности. Намечены пути эволюции темы времени в поэзии сентиментализма.

The appeal to the theme of time is grounded in the framework of the genre of ode. The main features of the ode time are considered. Ode is presented as a genre of heightened historical and philosophical saturation. The ways of the time-theme evolution in the poetry of sentimentalism are marked.

Время как одна из организующих категорий бытия есть предмет обостренной философской рефлексии на протяжении всей истории человеческой мысли. К постиже-

нию феномена времени стремились мыслители античности, Средневековья (Фома Аквинский, Аврелий Августин), Нового времени (Р. Декарт, Гоббс, Б. Спиноза,

И. Ньютон, Лейбниц – XVII век; Дж. Локк, Д. Юм, И. Кант, Фихте – XVIII век и т. д.). Репрезентируя особенности авторских философских концепций, осмысление категории времени позволяет также создать образ размышляющей о нем эпохи. Как отметил А. Я. Гуревич, «мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени»¹.

Русская культура XVIII века маркирована тектоническими сдвигами в осмыслении и переживании времени. По замечанию А. М. Панченко, уже с конца XVII века проблема времени стала играть «первенствующую роль» в «историософском противостоянии русской старины и европейского барокко»². Если в религиозной культуре Древней Руси человеческое бытие представлялось как «эхо прошедшего», а сам человек не смел помыслить себя активным творцом истории, то «в канун петровских реформ он предъявил свои права на историю, попытался овладеть ею»³. Реформы Петра, посредством которых было создано «новое»⁴ государство, десакрализовали чувство временной связи между событиями, тем самым оставив истории лишь земной, человеческий масштаб. В результате Россия ощутила эмпирическое время в его динамике, почувствовала себя включенной в ход развития истории.

Ощущение непрерывного движения исторического времени нашло выражение в беспрецедентном интересе русских людей к истории своей страны. В большом количестве стали создаваться работы по истории, причем авторами их были «не только корифеи, но и тысячи различных людей – историки и неисторики, писатели и ученые, лица гражданского, военного и духовного звания, переводчики и издатели...»⁵. Пульс истории нашел выражение не только исторических работах, но и в художественной литературе – как в эпических формах, «генетически» приспособленных для артикуляции исторических идей⁶, так и в лирике. Господствующий жанр лирической систе-

мы второй половины XVIII века – торжественная ода – стал «жанром, где историческая насыщенность выступила неотъемлемым элементом содержательного пафоса стихотворения»⁷.

Ода имеет свое представление о характере развития исторического времени. Компоненты исторического времени мыслятся в оде связанными: настоящее неизменно сопряжено с прошлым и будущим. Но проговаривание этой идеи «вслух» не обязательно: во многом на нее работает характеристика правителя, в честь которого создано произведение. Адресат торжественной оды позиционируем как потомок, наследник великих предшественников. Так, перифрастическим эквивалентом Елизаветы становится выражение «Петрова дочь»:

Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает...

Ломоносов, 1747

Екатерина – пришлая немка – также не вызывает никаких проблем с обозначением ее связи с российскими самодержцами. Ломоносов, в течение двадцати лет восхвалявший Елизавету, объявляет Екатерину воскресшей императрицей:

Воскресла нам Елизавета:
Ликует церковь и чертог.
Она! Или Екатерина!
Она из обоих едина!

Ломоносов, 1762

Типично ломоносовским приемом выражения идеи связанности эпох является территориальная характеристика страны. Уже в оде «На взятие Хотина» Петр I и Иван IV вспоминают о завоеванных ими землях:

Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.

Ломоносов, 1739

Интенсивное расширение территории страны, совершенное в XVI–XVII веках двумя самодержцами, представляется Ломоносову неоконченным, требующим завершения. Это предназначение и выполняет Анна

Иоанновна, совершившая экспансию на нетронутый ее предшественниками юг:

На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей.

Ломоносов, 1739

Итак, настоящее может мыслиться в оде как итог, результат прошлого. Результативность настоящего оказалась возможной при переживании времени в логике причинно-следственной связи следующих друг за другом событий: итоговый характер настоящего объясняется тем, что оно наследует опыт прошлого. Такое видение времени было поименовано Б. А. Успенским как «историческое»⁸.

Вместе с тем взаимоотношения двух эпох в одической версии не замыкаются в границах единственного типа связи. А. П. Сумароков, поздравляя Елизавету Петровну с днем рождения, наставляет ее завершить начинания Петра:

О мать своего народа!
Тебя произвела природа
Дела Петровы окончать.

Сумароков, 1755

Но *завершить* что-либо, начатое в прошлом, возможно лишь в случае *продолжения* его в настоящем. Для всех поэтов-одописцев характерно пожелание деяний, продолжающих начинания Петровской эпохи. Во многом это связано с артикуляцией Елизаветой Петровной и Екатериной основных принципов своей политики. По замечанию историков, «...императрица... представляла себе работу Петра над государственным строительством настолько совершенной и законченной, что одного последовательного и добросовестного проведения в жизнь его узаконений достаточно для полного благоденствия государства»⁹. Ода, используемая поэтами в качестве средства оглашения общественно значимых вопросов, прочно закрепила способ характеристики политики правителя как *следующей* начатому Петром и превратила этот мотив в устойчивую жанровую традицию.

Декларируя необходимость продолжения прошлого, поэты также говорят о восстановлении утраченного в прошлом, т. е. о его регенерации. Наиболее рельефно подобная соотнесенность времен прослеживается в творчестве А. П. Сумарокова: он практически отказывает настоящему в самодостаточности, заявляя о том, что единственная его задача состоит в воскрешении по какой-либо причине утраченного прошлого:

Се дело днесь одной девицы
Полсвету возвратить покой.

Сумароков, 1743

«Воскрешению» подлежит не ближайшее прошлое, а эпоха Петра, в то время как интервал между обозначенными периодами практически изымается из поля зрения оды. Образовавшуюся лакуну поэты покрывают тем, что соединяют две отстоящие во времени эпохи (первая из которых закончилась смертью Петра, а вторая началась в лишь 1741 (правление Елизаветы) / 1762 году (восшествие на престол Екатерины II). Способом такого соединения, явно противоречащего эмпирической реальности, служит аллегорическое изображение смерти Петра I как гибели солнца («Сокрыло солнце красный луч», Сумароков). «Ночь» и «мрак», сгустившиеся после «захода солнца», используются как образная характеристика эпохи борьбы за власть, развившейся после кончины императора:

И не Твоей врученных власти
Объяла нас геенска ночь.

Сумароков, 1766

Воцарение дочери Петра оценивается в одах как долгожданный рассвет:

О утра час благословенный,
Дражайший нам златых веков!

Ломоносов, 1746

Сходным способом характеризуется и Екатерина. Примечательно, что она соотносится уже не с солнечным светом, а с самим солнцем, как и Петр I. Кончина Екатерины трактуется, соответственно, как закат

солнца, что опять же повторяет способ изображения смерти Петра:

Российско Солнце закатилось,
И север весь покрыла тень.

Херасков, 1796

Образ тьмы с наступившим вслед за ней рассветом выполняет функцию экспрессивной характеристики эпох междуцарствия, но вместе с тем он незаметно «исключает» их из объективного развития истории, заявляя о наличии в ней лишь двух пар следовавших непосредственно друг за другом правителей – Петра и его дочери, а затем Елизаветы и Екатерины (а в идеальном для Екатерины варианте – Петра и Екатерины). Воссоздание исторического развития в модифицированном виде, исключая из истории страны правительственные эпохи и при этом покрывающем временные лакуны посредством соединения двух дистантных во времени правителей, не объяснимо только комплиментарностью оды, декларирующей сходство нынешнего императора с его великим предшественником. Давая ту или иную оценку разным правителям, ода произвольно устанавливает свою концепцию исторического развития.

Высшим, сакрализованным типом связи эпох в оде является изображение петровского правления как периода абсолютного первоначала. Так, в оде Ломоносова, посвященной бракосочетанию Петра и Екатерины Алексеевны, развивается образ райского сада и его первых жителей, с которыми должны быть соотнесены молодожены:

Не сад ли вижу я священный,
В Эдеме вышним насажденный,
Где первый узаконен брак?

Ломоносов, 1745

Обозначая «порядковость» четы Адама и Евы в истории человечества, эпитет *первый* в образе первого брака отсылает историческое настоящее к мифологическому инициальному прошлому. Сам образ Петра *Первого* становится в одах центром мифопорождения и позиционируется не столько первым в истории русского прав-

ления Петром, сколько *зачинателем новой России*. Вопреки исторической действительности, именно Петр, а не Михаил изображается поэтами как *основатель династии Романовых*: каждый император или реальный претендент на это звание изображается как один из *его* многочисленных потомков. *Основатель Петербурга*, он изображается как человек, способный к божественному акту сотворения. Так, Сумароков в строках:

России славный обладатель
И града Невского Создатель –

обыгрывает написание слова «создатель», сравнивая Петра с Творцом. При этом если Ломоносов отдает право назвать Петра Богом мифологическому божеству («С Минервой сильный Марс гласит: / Он Бог, он Бог твой был, Россия»), тем самым превращая данную характеристику в поэтический комплимент, то в оде Сумарокова, посвященной памяти Петра, происходит целенаправленное обожествление первого российского императора. Поэт использует фразу «с нами Петр», аллюзивно отсылающую к переводу имени Эммануил – «с нами Бог». Петр представляется Богом России, и все происходящее в стране в послепетровский период изображается как непрерывное воплощение «образа и подобия» государя:

Он будет с нами в век веков,
Он жив и будет жить во свете:
Явился он в Елисавете,
И ныне украшая трон,
В Екатерине зрится Он.

Повторяемость событий, восходящих к эпохе первоначала, обусловленность настоящего и будущего прошлым, представление о неразрывной, преемственной связи императоров, за высшее благо почитающих развитие начинаний своих предшественников, – все это заставляет, при совокупном рассмотрении перечисленных особенностей, представить движение времени пронизанным своеобразным эхом, отзвуками абсолютного прошлого, которые раздаются в настоящем и будут раздаваться в будущем:

И вечность предстоит пред нею,
Разгнувши книгу всех веков,
Клянется небом и землею
О счастье будущих родов,
Что россам будет непременно
Петровой кровью утверждено.

Ломоносов

Историческое прошлое, настоящее и будущее оказываются прочно связанными благодаря эманации исторически конкретного прошлого на последующие века, уходящие в вечность. При этом переживание исторического времени не носит характера обреченного детерминизма. Поэты не видят безвыходной и потому трагической обусловленности настоящего и будущего прошлым. Напротив, оценка императора как человека, непосредственно творящего историю страны, а также авторское желание говорить о настоящем и о задачах на будущее коренится в твердой уверенности оды в том, что история не только повторяет события прошлого, но и творится – здесь и сейчас. И каждое новое свершение правящего императора неизбежно (по закону развития исторического времени) должно будет приобрести статус прецедента, повторяемого в веках. Именно поэтому в одах часто появляется образ неизвестного потомка, наследующего современную поэту эпоху:

Что вы, о поздние потомки,
Помыслите о наших днях?
Дела Петровой дщери громки
Представим в мысленных очах
И видя зрак изображенный,
Среди Героев вознесенный,
Что молвите между собой?

Ломоносов, 1746

Предстояние перед будущим заставляет поэта-одописца, воспринимающего себя олицетворением всего народа, чувствовать себя обязанным наставлять правителя. А на самого императора ложится чувство величайшей ответственности за все ныне совершаемое перед будущим – теми неведомыми потомками, которым предстоит наследовать землю и оценивать деяния отцов.

Триумфальное торжество торжественной оды продолжалось на протяжении 1840–1880-х годов. Выполнившая функцию «своеобразной летописи эпохи»¹⁰, создавшая свою концепцию исторического времени, отразившая чувство движения «земной», творимой людьми истории и непрерывную динамику линейного исторического времени, торжественная ода оказалась неприспособленной к выражению новых – партикулярных – ценностей чувствительного героя сентиментализма. Начиная с творчества М. Н. Муравьева, декларативно отказавшегося от одического поприща как неприемлемого для себя и установившего в центр своей поэтической системы живую «чувствующую» личность, поэзия преромантизма обратила свое внимание не на холодное время истории государства Российского, а на переживания человека, погруженного в поток времени жизни. Место классицистской оды заняли жанры сентиментализма, ставшие основной формой выражения темы времени в русской поэзии конца XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. С. 103.

² Панченко А. М. История и вечность в системе культурных ценностей// А. М. Панченко. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб., 2005. С. 136.

³ Там же. С. 136.

⁴ Эпитет «новый» в контексте Петровской эпохи оказался основной характеристикой данного периода и обозначал не духовное «поновление» как приближение к абсолютному идеалу, а качественные изменения в культуре, полный разрыв между настоящим и историческим прошлым страны.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁵ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3. С. 77.

⁶ Из литературы Древней Руси идет традиция летописания и создания повестей на исторические сюжеты. Исторические концепции найдут свое дальнейшее воплощение в многочисленных мемуарах (к примеру, А. Т. Болотов), исторических разысканиях (Карамзин, Татищев и др.).

⁷ *Стенник Ю. В.* К вопросу об историософских аспектах лирики Г. Р. Державина // Чудовский сборник: материалы Всероссийской конференции «Чудовские чтения». 7–8 июня 2000 г. Великий Новгород. 2001. С. 5.

⁸ *Успенский Б. А.* История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема// Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

⁹ *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 49.

¹⁰ *Стенник Ю. В.* Указ. соч. С. 6.